

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Новую книгу А. И. Солженицына я прочитал с тем энтузиазмом, которого он, безусловно, заслуживает. Захватывает уже первые страницы. Неожиданный и выжестный успех писателя, богатыря, артиста, первого от полноты неистовства к ошеломляющему успеху и всемирной славы — этот сюжет недаром стал основой многих кинофильмов, продолжая, несмотря на свою примитивность, волновать воображение зрителей.

Но то, что для миллионов зрителей остается обычной картиной иллюзий, в судьбе Солженицына было реальным фактом. И, главное, его успех был «полностью заслуженным»: уже первые из опубликованных им повестей и рассказов составили ему не только в развитии литературы, но и всей общественно-политической жизни в СССР. Приковывает и великолепно

написанный (уже за границей) послесловие к книге — «Пришло молотку к концу», где автор рассказывает о самых драматических моментах своей жизни — от публикации первого тома «Архипелага» до высылки из СССР.

Однако совсем иные чувства испытывал я, читая основную часть книги Солженицына. Очень уж многие страницы различаются здесь не только по высказываемому, но и по догадке о личности писателя, несомненно высказывающего не только своеобразие и мелочность многих своих побуждений, несправедливость и необъективность в оценке людей, столь много сделавших для успеха литературной карьеры Солженицына. Со страниц пренебрежением пишет Солженицын об А. Д. Сахарове, которого в другом месте сам же называет великим сыном России и своим другом. Невозможно согласиться с его крайне

ро происхождения в стране литературного процесса. Да, Александр Иван готов признать, что «Новый мир» был все же лучше других и вовсе незначительных журналов. И все же главные пути русской литературы, если верить Толстому, проходили в 60-е годы жизни «Нового мира», они шли через самиздат, и лучшими в этой бедственной литературе были, разумеется, романы и рассказы и самого Солженицына. Мы, конечно, не будем оспаривать последнего утверждения, его поддерживают авторитет Нобелевской премии по литературе за 1970 год. Немало было и самиздата и других превосходных литературных произведений, которые позднее нашли своих издателей только за границей (можно назвать хотя бы рассказы и повести В. Паламова). И тем не менее почти каждый номер «Нового мира» был событием в нашей литературной жизни, его воздействие на читателей было несравнимо с воздействием любых произведений самиздата, хотя бы потому, что это был легальный журнал, выходящий 130-тысячным тиражом и доступный в любой провинции, куда производил самиздат «прорывались» редко и нерегулярно.

Солженицын признается, впрочем, что он вообще редко читал «Новый мир», обижая тем самым Твардовского. Давы намеревались утешить, автор «Ивана Денисовича» прочитал или пролистал однажды подра 20 номеров «Нового мира». Многие материалы журнала ему нравились, но в общей оценке журнала Солжени

мира», не говоря уже о семье поэта. Трудно обойти в мемуарах это обстоятельство. Но оно, право же, не заслуживает того внимания, какое уделяет ему Солженицын. Рассказывая о приезде Твардовского в Рязань, Солженицын с пошлостью досадно пишет, что чтение «Круга» уже на второй день стало переходить в «начало обычного заповя Твардовского». Но для чего понадобилось автору столь натуралистически описывать картину этого заповя, в том числе и сцену ночного буйства Твардовского, который будто бы вскопил раздетый среди ночи с постели и стал выкрикивать, всякие лагерные команды, вставать по стойке «смирно» и т. п. Сам Твардовский утром ничего об этом не помнил, и, следуя приему Солженицына, я мог бы в скобках заметить: «а была ли вообще эта ночная сцена», так же, как и описанная далее безобразная сцена на Рязанском вокзале при проезде Твардовского.

Описывая свой визит на дачу к Твардовскому, Солженицын снова говорит о начавшемся очередном запове: «...тяжелыми шагами спустился он со второго этажа в нижний сорочке с мутными глазами» (стр. 113). И такие же сцены повторяются в мемуарах едва ли не через каждые 20-30 страниц («Новый мир» № 6, стр. 78).

Но если в данном случае речь идет о действительном недуге Твардовского, то многие другие изображенные в «Теленке» недостатки — лишь плод воображения необъективного мемуариста.

Женщины пытаются, как справедливо отмечает в своем Опыте письмо В. А. Твардовская, показать несостоятельность Твардовского и как поэта, и как редактора, не сумевшего понять до Солженицына, который один лишь знал истину, которого Бог берет от опасностей и соблазнов и который сам называет себя избранным. Божьим. Но вот книга прочитана, и вопреки всем самовосхваляниям, переходящим в самолюбование, автор этой книги представляется нам и мужественным, и талантливым, но тем не менее как личность гораздо более мелким, чем Твардовский со всеми его недостатками и сомнениями. Именно Твардовский, который мучительно ищет истину в бесконечно сложных переплетениях нашей жизни и который нередко при этом спотыкается и падает, оказывается несравненно более привлекательной фигурой, чем Солженицын с его комплексом порока, призванного спасти если не все человечество, то Россию.

К тому же всевозможное самовосхваление то и дело пробуждается в книге Солженицына и признания, которые вряд ли могут вызвать симпатии читателей. Солженицын признается, например, что он все время скрывал от Твардовского свои подлинные намерения, взгляды и многие действия, что и мешало их дружбе. Ибо «по скромности моей работы и моих надежд» он особенно не мог меня «понять» («Новый мир» № 6, стр. 60). Все же и вступил, и пошел Солженицын постепенно открывался, и это привело ко все большему охлаждению отношений между ним и Твардовским, которые к началу 1970 года были близки к полному разрыву. Этот разрыв наступил фактически в феврале 1970 года одновременно с разгоном редакционной коллегии «Нового мира». Солженицын не слишком далек от истины, заявляя, что журнал Твардовского «умирал практически без сопротивления»; все его главные авторы приходили в редакцию, как на поминки, а не для протеста. Но они приходили все же, чтобы выразить свое сожаление и сочувствие, а не осуждение поведению Твардовского и других членов разогнанной редколлегии, как это сделал Солженицын. «Я не скрыл», — пишет Солженицын, — что осуждаю всю их линию в кризисе и крахе «Нового мира». Так и передано было Твардовскому, но безо всех этих мотивировок. И снова, в который раз, наша утая дружба с Трифоненком утонула в темной пучине» («Новый мир» № 7, стр. 133). Впрочем, Солженицын скорее был не огорчен, а рад этому разрыву. «И не стал я слаб ввиду, а рад этому разрыву. Неослабева без журналида, напротив, только независимой и сильней», — также никому теперь не отчитывался, никакими побочными соображениями не связанный... Без «слабых» союзников свободнее руки одинокого» («Новый мир» № 7, стр. 133). Неблагодарность мемуариста лишь оттеняется в данном случае привоимой через страничку телеграммой Солженицына к 60-летию Твардовского и ответом последнего.

Солженицын с нескрываемым удовлетворением пишет, как много получил от писем телеграмм в декабре 1968 года в дни его пятидесятилетия, «...телеграфные разногласия, приносимые разном по 30, по 70 штук — и на днях то несколько раз... Скажу, не домаясь, в ту неделю ходил я гордый» («Новый мир» № 7, стр. 100). Но не скрывает Солженицын, что исключение его из Союза, хотя и широко оповестили о нем все зарубежные радиостанции, прошло почти без протестов, лишь немногие выступили открыто и прямо.

И чем дальше раскрывает он в своих выступлениях свои взгляды и намерения, тем более одиноким становится Солженицын, тем более теряет он своих прежних друзей. Расходится он и с А. Д. Сахаровым (и, видимо, сходя с ним счеты, обнаружит в книге многие частные разговоры с Сахаровым и его женой, отнюдь не предназначенные к публикации). К «победной» 70-летию Твардовского, к которому называл «победой» мы видим рядом с Солженицыным лишь И. Шафаревича и нескольких религиозно настроенных молодых или не слишком молодых людей.

Однако в этом одиночестве Солженицын менее всего склонен обвинять самого себя. В первую очередь он обвиняет успехи всей нашей интеллигенции, «...телеграфные разногласия, приносимые разном по 30, по 70 штук — и на днях то несколько раз... Скажу, не домаясь, в ту неделю ходил я гордый» («Новый мир» № 7, стр. 100). Но не скрывает Солженицын, что исключение его из Союза, хотя и широко оповестили о нем все зарубежные радиостанции, прошло почти без протестов, лишь немногие выступили открыто и прямо.

И чем дальше раскрывает он в своих выступлениях свои взгляды и намерения, тем более одиноким становится Солженицын, тем более теряет он своих прежних друзей. Расходится он и с А. Д. Сахаровым (и, видимо, сходя с ним счеты, обнаружит в книге многие частные разговоры с Сахаровым и его женой, отнюдь не предназначенные к публикации). К «победной» 70-летию Твардовского, к которому называл «победой» мы видим рядом с Солженицыным лишь И. Шафаревича и нескольких религиозно настроенных молодых или не слишком молодых людей.

Однако в этом одиночестве Солженицын менее всего склонен обвинять самого себя. В первую очередь он обвиняет успехи всей нашей интеллигенции, «...телеграфные разногласия, приносимые разном по 30, по 70 штук — и на днях то несколько раз... Скажу, не домаясь, в ту неделю ходил я гордый» («Новый мир» № 7, стр. 100). Но не скрывает Солженицын, что исключение его из Союза, хотя и широко оповестили о нем все зарубежные радиостанции, прошло почти без протестов, лишь немногие выступили открыто и прямо.

Самолубование Солженицына нередко может вызвать только улыбку. В своих мемуарах он пишет, например, что его очередное заявление не просто было передано среди последних известий «Голоса Америки», но что «мой утренний ответ уже по миру громыхал». О своей полемике с властями в 1973 году автор пишет как о «сражении шлемоблещущем и мечезвнящем» («Новый мир» № 8, стр. 56). Конечно, одиокая борьба Солженицына с «громадной государственной и партийной машиной власти заслуживает уважения, его мужество бесспорно, и публикация «Архипелага» была очень сильным ударом по всем сталинистам. Но нельзя и, потеряв всякое чувство меры, думать, и писать, что эта публикация «будет смертельна для их строя» и что после «Архипелага» «не выстоит их держава».

Но главное, конечно, не в том, как пишет Солженицын о своих многочисленных сражениях с властями. Можно было бы и не говорить о самолюбии Солженицына, если бы оно не оборачивалось в книге все чаще и чаще саморазоблачениями, бросающими совсем иной отблеск на всю его борьбу. Отнюдь не только в защиту религиозной ортодоксии выступает на Ленина как главного виновника всех бед России, а также на всю идеологию марксизма и социализма, Солженицын о Сталине пишет неохотно как о «ягненке». Нашли, мол, ягненка, чтобы овалить на него все преступления коммунизма. (Сейб самого Солженицына называет «теленком», что, конечно, также совсем не подходит к его образу).

Рой МЕДВЕДЕВ

19. Твардовский

При всем многообразии людей, которых мы встречаем в книге Солженицына, главными персонажами этой книги являются Твардовский и сам автор мемуаров. Первое знакомство, краткая дружба и затем все более противоречивые отношения великого русского поэта и редактора нашего лучшего литературного журнала А. Т. Твардовского с самым крупным русским прозаиком А. И. Солженицыным — эта тема всегда будет привлекать историков литературы.

и Солженицын

А. ТВАРДОВСКИЙ был не только замечательным поэтом и редактором, он был по всем отношениям очень крупным и сложным человеком. На меня всегда производил впечатление огромного самородка, на котором все бури прошедшего времени и удары судьбы оставили заметные следы, не нарушив, однако, цельности его незаурядной натуры.

Солженицын пытается изобразить сложность личности Твардовского — не только классика советской поэзии и выдающегося редактора, но также члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета, секретаря Союза писателей, т. е. своеобразного «босса», чья любовь к русской литературе и безусловная личная честность нередко расходились со столь же искренней верой в идеалы партии и с чувством партийной дисциплины. Твардовский в изображении Солженицына — это не только большой поэт, человек искренний и добрый, мучительно переживающий невзгоды своего народа и особенно мужика, которым он в сущности и оставался всю свою жизнь. Но Твардовский был также, если верить мемуарам Солженицына, и всемогущим сановником, литературным «генералом», не только сознающим свою близость к «сил-чым мира сего», но и дорожающим этой при-длежностью к литературной элите и к «верхам» общества. Одной из очевидных задач книги Солженицына является изображение того, как система слепой партийной дисциплины и жестко догматизированной идеологии уродует и калечит даже такую самобытную и большую личность, как личность Твардовского, накладывая отпечаток и на его творчество, и на его поведение. И хотя Солженицын явно преувеличивает трагические противоречия личности Твардовского, для которого советский патриотизм и социалистические убеждения были не чем-то чуждым, но очень важным стимулом его творчества, однако в этой части своих мемуаров Солженицын по-рой находит не так уж далеко от истины.

Но чем дальше вчитываешься в мемуары Солженицына, тем больше видишь, что у этой книги есть и другая, куда менее благородная «сверхзадача»: доказать, что он не так уж многим обязан или вовсе ничем не обязан ни «Новому миру», ни Твардовскому. Солженицын признается, что выбор «Нового мира» для него был случайным.

Но, может быть, после нескольких лет общения с журналом это мнение о нем изменилось у Солженицына? Отнюдь нет. В 1966 году решил Солженицын предложить несколько своих новых рассказов «Новому миру», а редакция других журналов (не только «Москвы», но даже «Совьку» и «Лит. России»). Оправдав этот поступок, который Твардовский считал чуть ли не «предательством», Солженицын пишет: «Я же не видел и не вижу здесь никакой измены по той причине, что отчаянное сопротивление «Нового мира» — пред-дсти, уже один этот факт показывает всю необычность и сложность личности Твардовского. Понимая все это, Твардовский проявлял не медлительность, а разумную осторожность, ибо при ином поведении можно было потерять не только повесть и даже не весь архив писателя (как это было с Вас. Гроссманом), но и самого автора, пока еще скромного рязанского учителя».

Если верить Солженицыну, то именно Твардовский поменял публикацию нескольких уже ранее написанных солженицынских произведений в других журналах, не дав ему таким образом «захватить плацдарм для будущей борьбы». Солженицын уверен, что многие из «Круга первого» можно было тогда напечатать, чему препятствием было лишь «ложное чувство обязанности по отношению к «Новому миру» и Твардовскому». (Подчеркнуто мной. — Р. М.). («Новый мир» № 6, стр. 35).

Но в данном случае Солженицын явно вводит в заблуждение своих читателей. Даже после XXII съезда КПСС в нашей стране никогда не была такой атмосферы, при которой была бы возможна публикация «Круга первого» и глав о Сталине из этого романа в 5-миллионной «Правде». И если оказалось возможным такое чудо, как публикация в «Новом мире» нескольких повестей и рассказов Солженицына (один из которых — «Случай на станции Крестовка» был напечатан в «Правде»), то главная роль в этом принадлежит именно Твардовскому. И потому очевидно читать у Солженицына, что «новомирские окопы были вторичны, а все же заметно тянули и они». («Новый мир» № 6, стр. 35).

Между прочим, Солженицын в своих письмах к Твардовскому, с некоторыми из которых я имел возможность ознакомиться, писал в 1963—1965 гг. нечто прямо противоположное тому, что мы читаем сейчас в его мемуарах. Из своих бесед с Твардовским я вынес впечатление, что он не только с риском для себя и «Нового мира» защищал Солженицына перед всеми «инстанциями», но что он любил Солженицына, болезненно переживая и несправедливую критику в его адрес и несправедливо считал Твардовский, поступки самого Солженицына. Солженицын знал об этой любви и часто пользовался ею, хотя он и пишет сегодня, что его чаще не радовала, а тяготила «туповатая облека» Твардовского. «Твардовский», — пишет Солженицын, — от чистого сердца любил меня бескорыстно, но тиранически, как любил культуру свое изделие, а то и как искреннего своего лучшего вассала» («Новый мир» № 6, стр. 35).

В своих письмах Твардовскому Солженицын неоднократно заявлял, что главное — это сохранить «Новый мир». «Теперь меня будут повсюду ругать», — предполагал Солженицын после своего знаменитого письма IV съезду писателей. — Будут связывать мое имя с журналом «Новый мир» и с Вашим именем». Поэтому в своих письмах Солженицын просил Твардовского всячески отжигиваться от своего недавнего автора (этим советам Твардовский никогда не следовал). Читая же нынешние мемуары Солженицына, мы видим, что его крайне раздражало, что столь внимательный и любящий его Твардовский на первое место все-таки ставил интересы своего журнала и представленного им литературного направления, из которого, кстати, и вышли практически все те писатели, которых в одном из интервью в 1973 году сам Солженицын назвал «ядром современной русской прозы».

Между тем сегодня Солженицын пытается доказать (и в этом состоит еще одна сверхзадача его мемуаров), что редакторам «Нового мира» только казалось, что они стоят в цен-

тствии весьма существенно разошлись с Твардовским... Как легальный и полцензурный журнал «Новый мир» не мог формироваться «независимо от сегодняшнего настроения верхов», хотя он и никогда полностью под них не подлаживался, часто вызывая раздражение и гнев этих «верхов». «Новый мир» никогда не «стоял на коленях» и в кризисных и трудных условиях проводил свою линию. Да и Твардовский не только часто «близился головой об стену», но нередко и пробивал ее, как это было в случае с Солженицыным. В случае с Ф. Абрамовым (роман «Две зимы и три лета»), в случае с Можайским («Жизнь Федора Кузькина»), с Г. Владимовым (роман «Три минуты молчания») и во множестве других случаев. Но у Твардовского были, конечно, не только литературные пристрастия, но и вполне определенные политические убеждения, которые далеко не всегда расходились и с мнением «верхов». И потому многое из того, что хотел бы видеть на страницах «Нового мира» Солженицын, Твардовский не стал бы печатать не из-за боязни цензурных придирок или иных несприятельностей, но руководствуясь своими взглядами. Между тем Солженицын, как это видно из всего содержания его мемуаров, уважает и считает правильными, единственно правильными, только свои убеждения. Убеждения же Твардовского для Солженицына — это добровольно надетый идеологический намордник. Да, Твардовский был членом партии, но он был иным членом партии, чем Косыгин или Софронцев. Следствием этого в 60-е годы главная линия политической и идейной борьбы проходила у нас между различными направлениями социалистической мысли и между различными течениями внутри самой партии, грубо говоря, между сталинистами и антисталинистами. В первой половине 60-х годов иных течений практически не было, они стали появляться и заявлять о себе только к концу 60-х годов. Это и понимал и Солженицын, который вовсе не слеповал тогда своему призыву «жить не по лжи», и умственно скрывал от Твардовского свои взгляды, предлагая ему лишь «облегченные» варианты своих произведений. Солженицын не только был огорчен отклонением своей кандидатуры на Ленинскую премию, но даже и в частных разговорах с некоторыми влиятельными тогда писателями отзывался с похвалой о Ленине, Октябрье и Советской власти, по крайней мере в ее ранних формах. И не только своим огромным талантом, но также и этой «тактической» позицией обеспечил Солженицын успех своим первым литературным и политическим выступлениям.

Солженицын немало пишет о доброте, искренности, природном уме, благородстве и прирожденном такте Твардовского. Многие страницы разбираемой книги пропнуты не только уважением, но и любовью к Твардовскому. Не скрывает автор «Теленки» и некоторых недостатков Твардовского. Но странным образом Солженицын во многих случаях уделяет главное внимание именно недостаткам Твардовского, порой не только смакуя их, но и придумывая такие пороки, которых у автора «Теркина» никогда не было.

Да, Твардовский иногда заигрывал и бывало, надолго. Это было его недуг, его беда, осложнявшая и без того трудное положение «Нового мира».

Трудно не убедиться, чтобы не сказать здесь о журнале «Коммунист» четыре номера которого были изданы в последний год за границей. В создании этого нового журнала участвовал бывший редактор «Коммуниста» Александр Литвинков, включив и Солженицына, которые по разным причинам оказались за границей. Эти писатели «подписались» в колонне. Но в действительности они журналу были отнюдь не близки, но художественно умно и глубоко с «Новым миром». Нет, все четыре номера «Коммуниста» не стоят еще одного владного номера «Нового мира», не говоря о лучших его номерах. К тому же оказавшись за границей редакция «Коммуниста» действительно надела себе на лицо идеологический намордник, который стал для нее «облегченным» вариантом религиозности и антимарксизма (борьба «антисталинизма», редакция «Коммуниста» имеет в виду «антикоммунизм» — еще одну разновидность добровольного идеологического намордника).

Солженицын немало пишет о доброте, искренности, природном уме, благородстве и прирожденном такте Твардовского. Многие страницы разбираемой книги пропнуты не только уважением, но и любовью к Твардовскому. Не скрывает автор «Теленки» и некоторых недостатков Твардовского. Но странным образом Солженицын во многих случаях уделяет главное внимание именно недостаткам Твардовского, порой не только смакуя их, но и придумывая такие пороки, которых у автора «Теркина» никогда не было.

Да, Твардовский иногда заигрывал и бывало, надолго. Это было его недуг, его беда, осложнявшая и без того трудное положение «Нового мира».

Трудно не убедиться, чтобы не сказать здесь о журнале «Коммунист» четыре номера которого были изданы в последний год за границей. В создании этого нового журнала участвовал бывший редактор «Коммуниста» Александр Литвинков, включив и Солженицына, которые по разным причинам оказались за границей. Эти писатели «подписались» в колонне. Но в действительности они журналу были отнюдь не близки, но художественно умно и глубоко с «Новым миром». Нет, все четыре номера «Коммуниста» не стоят еще одного владного номера «Нового мира», не говоря о лучших его номерах. К тому же оказавшись за границей редакция «Коммуниста» действительно надела себе на лицо идеологический намордник, который стал для нее «облегченным» вариантом религиозности и антимарксизма (борьба «антисталинизма», редакция «Коммуниста» имеет в виду «антикоммунизм» — еще одну разновидность добровольного идеологического намордника).

И уж совсем оскорбительным для памяти умершего поэта является неодинократное ведомое Солженицыным разглагольствование о «трусости» Твардовского. Описывая, например, совместную с Лавинским поездку к Твардовскому (к концу месячного заповя последнего), Солженицын отмечает, что хозяин встретил их встревоженным вопросом: «Что случилось?» и что «руки его тряслись не только от слабости, но и от страха» («Новый мир» № 7, стр. 81). Почему же «от страха»?

Привел несколько таких же неправдоподобных примеров «трусости» Твардовского, Солженицын делает общий вывод: «И обречен был Твардовский палат духом и заигрывая, от неласкового телефонного звонка второстепенного цекистского инструктора и распахнуть от кривой улыбки заведующего отделом культуры» («Новый мир» № 6, стр. 39). Этот вывод столь же логичен, как и замечание Солженицына о том, что «Новый мир» велся «непостоянными и периодически слабющими руками» (там же, стр. 66).

Нет, Твардовский вел свой журнал уверенно и твердо. Конечно, и ему приходилось идти порой на компромиссы и выслушивать несправедливые замечания. Но никто другой из главных редакторов наших журналов не держался во всех директивных инстанциях с таким достоинством и не позволял помыкать собой, как Твардовский. Уступая в мелочах, Твардовский был упрям и тверд в отстаивании главного. Был случай, когда на одном из совещаний Твардовский закричал на заведующего отделом культуры ЦК Поликарпова в ответ на беззастенчивое замечание последнего, и тот, опешив, не смог продолжить свою речь. Резко оборвал однажды Твардовский и секретаря ЦК КПСС П. Н. Демичева, пытавшегося прочесть публично письмо, адресованное Твардовскому, но оказавшееся почему-то в сейфе секретаря ЦК. В знак протеста Твардовский демонстративно ушел с этого совещания редакторов. Не раз был резок и даже груб Твардовский и с предшественником Демичева Л. Ильичевым. И часто именно эта смелость и решительность Твардовского выручала журнал и его авторов.

Солженицын пытается решить в своей книге сразу несколько задач. И все же в первую очередь он остается и здесь художником, и потому, видимо, не всегда впечатление от его рассказа совпадает с его отчетливо прослеживаемыми намерениями. Солженицын пытается решить в своей книге сразу несколько задач. И все же в первую очередь он остается и здесь художником, и потому, видимо, не всегда впечатление от его рассказа совпадает с его отчетливо прослеживаемыми намерениями. Солженицын пытается решить в своей книге сразу несколько задач. И все же в первую очередь он остается и здесь художником, и потому, видимо, не всегда впечатление от его рассказа совпадает с его отчетливо прослеживаемыми намерениями.

Солженицын пытается решить в своей книге сразу несколько задач. И все же в первую очередь он остается и здесь художником, и потому, видимо, не всегда впечатление от его рассказа совпадает с его отчетливо прослеживаемыми намерениями. Солженицын пытается решить в своей книге сразу несколько задач. И все же в первую очередь он остается и здесь художником, и потому, видимо, не всегда впечатление от его рассказа совпадает с его отчетливо прослеживаемыми намерениями.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

В предисловии к «Теленке» автор пишет, что, кроме художественной литературы, в собственном смысле слова, есть и «вторичная литература», т. е. литература о литературе. К этому нужно добавить, что и вторичная литература бывает разных видов. Наряду с серьезными и глубокими исследованиями и мемуарами, дающими яркое представление об эпохе и ее людях (классический пример — «Былое и думы» А. Герцена), есть книги, повествующие главным образом о личной жизни литераторов, об их слабостях, о разного рода литературных скандалах и слухах. Такая литература пользуется обычно более высоким спросом у неспециальной публики. Сожалению, значительная часть раздолов книги Солженицына «Бодался теленок с дубом» написана именно на таком низком уровне.

Как известно, публикация

первых произведений Солженицына вызвала много критических статей, некоторые из которых сами себе были заметными вкладом в нашу литературу о литературе. К этому нужно добавить, что и нападки справа... В свое время Солженицын внимательно следил за этой полемикой, чему есть много свидетельств, хотя бы в виде писем автора «Ивана Денисовича» указанным критикам. Но в своих мемуарах Солженицын полностью опустил эти важные эпизоды нашей общественной жизни. Он лишь мимоходом замечает о потоке «непрощенных» и даже «холодных-рекламных» рецензий, большинством которых он даже не читал, хорошо понимал их «тараканьи силки». Но вместе с тем Солженицын находит время и место, чтобы весьма подробно описать, как на Рязанском вокзале Твардовский «с поспешностью рванулся по

1—10 мая 1975 г.
1—5 сентября 1975 г.